

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Correo Central B. Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 19 de marzo de 1959

Буэнос Айрес, четверг 19 марта 1959 года № 477

Вс. Дубровский

Еще о том же

Редакция “Нашей Страны” сочла необходимым и своевременным подвергнуть на страницах газеты спокойному и трезвому обсуждению некоторые проблемы, выдвинутые современностью, с определенной целью найти ясный и четкий ответ на те вопросы, которые жизнь уже сейчас ставит нам и, что еще важнее, поставит в ближайшем будущем. И сейчас, и, особенно, “завтра” нам надлежит знать, как мы должны действовать, как и каким путем координировать наши действия с действиями нашего народа, ибо мы — эмиграция — не представляем собою какой-то самодовлеющей величины и самое существование наше оправдывается лишь тем, что мы являемся частью русского народа, причем его частью имеющей возможность действовать свободно, не ощущая на своем затылке холодок чекистского револьвера.

Мы, находящиеся по эту сторону Железного Занавеса, имея полную свободу мнений и слова, эти мнения выражающего, должны поставить и обсудить те вопросы, говорить о которых “там” никто не может. И давно уже следовало бы нам понять, что время педфоса прошло. Бить себя в грудь и говорить о нашей белоснежности было хорошо и занимательно еще лет 20-25 тому назад. Ныне все это устарело, и никому не нужно. Сейчас основной задачей момента является выработка общего, насколько это возможно, конечно, мнения по основным вопросам ближайшего будущего — здесь, и того будущего, которое приведет нас к непосредственному, личному контакту с русским народом. И одно, и другое одинаково важно. И одно, и другое будет политическим экзаменом для эмиграции. Экзаменом — без переэкзаменов.

Встреча и личное общение эмиграции с освобожденным, или освобождаемым русским народом поставят нас лицом к лицу с необходимостью ответить на все те вопросы, которые выдвинет жизнь и которые будут ставить люди, имеющие право ждать от нас ответов на понятном им языке, разрешающих их сомнения и утверждающих их веру в наступление новой эпохи в жизни нашей Родины.

К сожалению, не всеми попытка редакции спокойно и трезво обсудить стоящие перед нами проблемы была понята правильно. В частности статья Н. Панина в № 464 “Нашей Страны”, вместо разбора ее тезисов, вызвала не только негодование некоторых даже не кругов, а отдельных лиц, но и непонятным образом была понята, как “проникновенное советской агентуры на страницы “Нашей Страны”, как “измена основной линии газеты и переход ее в стан солидаристов и Орехова”... Почему статья — не редакционная и не принадлежащая перу кого-либо из основных сотрудников, а явившаяся залетней гостью на страницах газеты — ими рассматривалась, как глашатай перехода “Нашей Страны” на новые рельсы — неизвестно. Но, так было. К

Было бы полной нелепостью пытаться оформлять идеи, неприемлемые для стапятидесяти миллионов ныне подсоветских людей. Следовательно, нужно знать, хотя бы приблизительно, как именно думают эти 150 миллионов русских людей.

Нам придется считаться с этими мнениями, и в какой-то степени подчиниться им — иначе мы будем сброшены и отброшены.

Наша идея и ее формулировки будут определять будущее России только в том случае, если эта идея будет выражать настроение и интересы полутораста миллионов, и если она будет выражена понятным для этих миллионов языком.

Мы должны заниматься только тем, что мы можем сделать реально. Реально мы можем сейчас **о р г а н и з о в а т ь к а д р т в о р ч е с к и х с и л**.

И. Солоневич

сожалению, как я сказал. К еще большему сожалению дружественная “Нашей Стране” выходящая в Буэнос Айресе газета “Русское Слово” поместила статью Ал. Навроцкого, возвращенную ему мною, с достаточно ясным объяснением причины моего отказа ее напечатать. И к еще более глубокому сожалению, такой уважаемый и единственный руководящий православным сознанием за рубежом журнал, как “Православная Русь”, перепечатал часть этой статьи, касающуюся вопросов Церкви, предпослав ей нечто вроде некролога “Нашей Стране”. Мне думается, что вместо перепечатки красивых слов и прописных истин, повторяемых г. Навроцким, было бы куда более ценным и полезным найти на страницах “Православной Руси” мудрый ответ глубокого редактора журнала по существу поднятого г. Паниным вопроса. Найти ответ на вопрос, что на понятном ныне подсоветским людям языке должны мы будем сказать тем из них, кто посещает сейчас открытые советской властью храмы, молится в них Богу, с верою и благоговением принимает совершаемые в них таинства крещения, брака... Речь идет вовсе не о признании или о непризнании (нельзя же думать, что мы можем ее признать!) нынешней патриаршей Церкви, а о том, как разрешить сомнения верующих — в будущем, и как рассматривать их сейчас — как служащих Маммоне или, как алчущих и жаждущих молитвы в храме. Для большего понимания подчеркиваю, что речь идет о п р и х о ж а н а х, а не о священнослужителях...

Заканчивая это вынужденное и, казалось бы, излишнее разъяснение, хочу добавить, что:

1. “Наша Страна” не допускает, конечно, никакой возможности такого бы то ни было “союза” с коммунистической властью, считая, что эмиграция ни в коем случае не может оказаться в одном лагере с поработителями нашей Родины. Странно, что приходится об этом говорить, но приходится, ибо оборванная г. Навроцким цитата из ста-

АЛЕКСЕЯ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

106. ВИЗИТ АНГЛИЙСКИХ ГОСТЕЙ И КРАХ НАДЕЖД НА КИПР. — ГОМУЛКА ЗАМЕТНО ТРУСИТ. — ТРЕНИЯ С НАССЕРОМ. — ХРУЩЕВ В РЯЗАНИ И В ТУЛЕ. — “ЗАКОНСЕРВИРОВАННЫЕ” АГЕНТЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПИСАТЕЛЯ В. ОЧЕРЕТИНА. — СМЕРТЬ КОМИНТЕРНОВЦА Д.З. МАНУИЛЬСКОГО.

Сейчас Хрущев с пышностью принимает английского премьера Мак Миллана и министра иностранных дел Селвина Ллойда, которые скромно заявляют, что целью их ответного визита Хрущеву (о Булганине можно помолчать!) является “выяснение позиций Запада и Востока” по всем вызвавшим “Холодную войну” вопросам. Казалось бы, что позиция Хрущева совершенно ясна: нажимом на Берлин заставить Запад пойти на уступки, которые выдадут Западную Германию на коммунистическую расправу. Менее ясна позиция Запада и степень мужества, с которым он собирается отвечать на кремлевский шантаж в Берлинском и вообще Германском вопросе. Англичане собираются перспективу “торговли с людоедами”, которые так пленяли Ллойда Джорджа в 1921 г.

Ведь сейчас дружное экономическое сотрудничество западноевропейских континентальных держав с их “общим рынком” и преференциальными пониженными между собой таможенными тарифами наносит сильный удар по британскому экспорту и потому англичане готовы пойти на политические уступки в отношении СССР лишь бы расширить свой сбыт в СССР; для них и красный Китай и СССР и спутники кажутся заманчивым рынком, который бойкотируют американцы, утупая все козыри по этой аморальной торговле англичанам.

Прибывшие гости сразу испытали унижение, которое не было отмечено западной печатью. По советской конституции они должны были быть приняты главой государства, т.е. маршалом Ворошиловым, как Хрущеву принимала королева. Но маршал, которому 14-го февраля минуло 78 лет, не может опраться от гриппа и отменил поэтому свою поездку к Неру. Вместо него английских гостей должен принять один

Н. Панина, перепечатанная и “Православной Русью”, в том же неполном, а следовательно, искажающем мысль автора виде, бросает какую-то тень на “Нашу Страну”. (См. “Наша Страна” № 464, 4 стр. абзац второй сверху и “Православную Русь” № 3 (1959 г.), стр. 12, 5 абзац в первом столбце).

2. Полемицировать с теми, кто не разобравшись, в чем дело, бьет в набат и кричит: “ратуйте, люди добрые, “Наша Страна” заболела “Ореховщиной!” — у меня нет ни времени, ни места на страницах газеты.

3. “Наша Страна” остается “Нашей Страной”: попрежнему мы будем делать свое дело, единственно возможное в нынешних условиях дело — будем думать и готовить себя к встрече с Россией и с русским народом, готовить те мысли и слова, те ответы, которые мы должны будем дать на обращенные к нам вопросы, ответы ясные и понятные, которые нужно выработать и выстрадать, пока еще не поздно, здесь, что, конечно, несколько труднее, чем оперировать все теми же, хотя и не лишенными пафоса, но опостылевшими за сорок лет эмиграции возгласами! Точка!

Вс. Дубровский

из 15 заместителей Ворошилова, которые все по конституциям союзных республик являются председателями верховных советов этих 15 республик. Следовало ожидать, что Ворошилова заменит председатель Верховного Совета важнейшей из 15 республик — РСФСР — кандидат ЦК Михаил Петрович Тарасов или, пожалуй, более крупный по партийной линии украинец Демьян Сергеевич Коротченко, который является кандидатом в члены президиума ЦК; сейчас после перевода Мухитдинова и Пospelова из кандидатов в члены, вместо исключенных Жукова и Булганина, Коротченко является старшим из кандидатов и в случае смерти больного Ворошилова или исключения кого-либо из членов президиума он становится автоматически одним из 15 членов президиума.

Но вместо них английских гостей принял узбек — кандидат ЦК — Шараф Заридович Рашидов, одна из самых скромных фигур советского Олимпа, известный лишь антибританскими своими выступлениями в печати и на всяких конгрессах азиатских и африканских народов в Ташкенте — центре антибританской пропаганды. Рашидов родился в 1917 г. уже после революции, как и его земляк — секретарь ЦК Мухитдинов, кончив в 1936 г. педагогический техникум, пошел на филологический факультет и студентом перешел из комсомола в партию в 1939 г., когда Ежов истребил руководящие кадры узбеков-коммунистов во главе с Акмалом Икрамовым и Файзулла Ходжаевым, казненными по процессу Рыкова, Бухарина и Ягоды. По окончании института начал редактировать узбекскую газету, но через три месяца пошел политруком на фронт, где был ранен в 1942 г. Вернувшись в Ташкент, стал журналистом, а с 1944 по 1947 г. секретарем ЦК по кадрам, затем редактировал “Кзыл Узбекистан” (Красный Узбекистан), где громил три года подряд английских “угнетателей азиатских народов”; с 1950 г. он возглавляет Верховный Совет своей республики, принимает в Ташкенте знатных гостей, как Неру, Сукарно, афганского султана, Нассера и других, и “клемит” в речах англичан. Именно поэтому Хрущеву доставило удовольствие заставить британских гостей умильно склониться перед азиатом, который известен своей ненавистью и презрением к одряхлевшему в глазах кремлевских политиков британскому льву, хвост которому крупил пребольно Нассер.

На другой же день с присущим британским эпигонам, когда-то славной дипломатии, непониманием психологии собеседников, Мак Миллан на банкете в британском посольстве произнес крайне бестактную подхамилскую речь; начав с напоминания, что обед происходит в день праздника советской армии (23-го февраля), он вспомнил посещение Москвы Черчиллем в дни германского наступления на столицу в 1941 г. и прибавил, как дороги англичанам те славные дни, когда правил обеими странами Черчилль и Сталин, которые вошли в историю, как защитники от

10 сего марта, в Буэнос Айресе, на 90-ом году жизни скончалась и погребена на кладбище Сан Мартин

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛОДИМИРОВА

урожд. Хрущева

о чем, с глубокой скорбью, сообщают дети, внуки и правнуки.

гитлеризма, связанные общей борьбой. Затем он повторил большевистскую ложь о важной роли Хрущева в защите Сталинграда в решающие дни всей Второй Мировой войны. Отмечу, что Хрущев был тогда членом Военного Совета, т.е. политкомиссаром при командующем Сталинградским фронтом (центральным участком обороны) генерале А. И. Еременко, как Ал. Серг. Желтов — при командующем Юго-западным фронтом (левым крылом) генерале Н. Ф. Ватутине, а Ал. Илл. Кириченко — при командующем Донским фронтом (правым крылом) генерале К. К. Рокоссовском; но всей операцией руководил Г. К. Жуков, которому были подчинены все три фронта; поэтому замечание Мак Миллана было весьма далеко от истины!

Затем Мак Миллан выразил сожаление, что теперь отношения изменились и призвал объединиться в «борьбе за мир». Отсюда он перешел к неумеренным комплиментам по поводу восхищающего его хозяйственного развития страны. Для него нет в истории мира успехов, равных по размерам и качеству успехам советской экономики. Ответ Хрущева был благосклонен, но холоден и он только похвалил Мак Миллана за поддержку им Женевского духа.

Нечего говорить, что униженный тон Мак Миллана, напомиравший речи выслужившихся перед Хрущевым на XXI съезде советских активистов и провинциальных партийных бюрократов, усилила вызывающую позицию Хрущева, который на другой же день произнес перед своими «избирателями» в Верховный Совет СССР воинственную речь, в которой отверг конференцию министров иностранных дел и неожиданно предложил Англии пакт о ненападении (сепаратно от Атлантического Блока), предлагая покинуть своих союзников. Следя за дальнейшим развитием переговоров, нахожу, что Мак Миллан ведет их неудачно, ибо он имел бы больше успеха, если бы держался с большим достоинством, как держались в той же Москве Аденауэр, Сукарно, Неру, афганский король и иранский шах. Но о дальнейших «успехах» Мак Миллана поговорю в следующей статье.

Интересно отметить, что мирное разрешение опасной для Запада Кипрской проблемы явилось поражением не только для Англии, но и для СССР. В ненависти к национальному движению православных киприотов, стремившихся к национальному воссоединению с греческим королевством, Англия натрала на них местных турок; но, понимая опасность для антикоммунистического блока на Ближнем Востоке греко-турецких раздоров, искусственно раздутых Англией, греки и турки стоворились между собой в Цюрихе и поставили Англию перед совершившимся фактом: пламенный патриот и антикоммунист митрополит Макарий пошел, скрепя сердце, на отказ от соединения с королевством и согласился по требованию Англии на провозглашение республики, в которой займет пост президента, уступая пост вице-президента лидеру местных турок; Англия сохранила свои военные базы, которые никто у ней и не собирался отнимать, ибо с самого начала Макарий признавал важность сохранения их за Атлантическим Блоком.

Сейчас Англия, суля финансовую поддержку, уговаривает Кипр войти в «Британское Содружество». Если Макарий это примет, то среди равноправных премьеров этого возглавляемого королевой «Содружества» впервые будет заседать православный митрополит, гораздо менее склонный к сотрудничеству с СССР, чем Мак Миллан. Мне очень жаль, что в англофильских кругах нашей эмиграции многие считают Макария «филокоммунистом» за стремление к вхождению Кипра в греческую православную монархию, ибо это не в интересах стремящихся к «торговле с людоедами» и полных нежных воспоминаний о Сталине британских политиков печати в отношении Макария и Цюрихского соглашения, сорвавшего еще одну попытку СССР пробить брешь между союзниками совпадает с враждебным Макарию тоном реакционной британской печати. Вот уже в третий раз западные державы успешно разрешают без всякого участия советской дипломатии или, вернее, именно благодаря тому, что она в этих соглашениях и

переговорах не участвует: так было с Триестом, Сааром и теперь с Кипром; правда, в переговорах по Триесту участвовала советская дипломатия, но с ней в этом случае не считались. Так же успешно был заключен в Сан Франциско мирный договор с Японией, благодаря тому, что СССР отказался от участия в нем!

Твердый тон Аденауэра и Айзенхауэра при поддержке де Голля и одиночестве капитулянтских поплзновенней Мак Миллана пугает не только Хрущева, но еще больше Гомулку, который очень боится, что Хрущев пойдет на уступки за счет отказа от явно несправедливой границы Одер — Нейссе. Поэтому он после XXI съезда партии остался на неделю в Москве и через зав. Польской Секцией в Секретариате ЦК Яна Феликсевича Дзержинского добивался от Хрущева новых обещаний не уступать ни клочка захваченных немецких земель, что могло бы укрепить престиж лидеров восточногерманского правительства в глазах немцев, которые не прощают им предательскую линию в этом вопросе. В беседах по этому поводу у Хрущева с Гомулкой и вторым секретарем его партии Зеноном Клышко участвовали Микоян, Фурцева, Полянский и зав. Иностранным Отделом ЦК Юрий Влад. Андронов. Гомулка говорил, что всякое колебание СССР в этом вопросе подрывает его престиж в Польше и опасен для дальнейших польско-советских отношений. Получив словесные заверения от Хрущева, Гомулка покинул 15-го февраля Москву. Интересно, что в переговорах не участвовал зав. Отделом Иностранных компартий в ЦК Б.Н. Пономарев, что заставляет предполагать, что он или болен или находится в командировке «далеко от Москвы».

Отношения с Нассером тоже несколько испортились, о чем свидетельствует кампания советской печати против преследований Нассером сирийских коммунистов и обвинения Нассера в агрессивных намерениях против советского правительства Ирака. В то же время советчики стараются заигрывать с сирийцами, входящими в состав правительства Нассера; так «гостящий» в Дамаске «для изучения сельского хозяйства» Сирий министр сельского хозяйства СССР Влад. Влад. Мацкевич поднес местному своему коллеге чистокровного коня «Артист» и произнес соответствующую речь о помощи СССР развитию сельского хозяйства Сирии. Забавно читать в советской печати попреки египетским журналистам в антисоветской пропаганде; так о редакторе газеты «Аль Акрам» Хасанейне Хейкале, предлагающем СССР не вмешиваться во внутренние дела Египта и не поддерживать подрывную работу местных коммунистов, «Правда» пишет, что «профессор журналиста он освоил при американском университете в Каире, научившись там не только как писать, но и в чьих интересах писать». Такой враждебный тон в отношении египетской печати находим впервые. Немало раздражает СССР и теплый прием, оказанный Нассером Тито в самый разгар антисоветских интриг Хрущева.

Для поднятия своего престижа среди партийных кругов в советской провинции после пустозвонного XXI съезда, Хрущев снова развешивает по областным городам и раздает ордена. 12-го февраля он поехал в Рязань, где выступил с речью на станкостроительном заводе; снова он сулил всякие блага и заявил: «С моей стороны не будет хвастовством сказать, что действительно мы кое-что сделали и партия заслужила ваши аплодисменты». Тут же он рассказал, что после XIX съезда партии, т.е. в конце 1952 г. одна женщина написала письмо в ЦК, жалуюсь, что в Рязанске нет хлеба; при Сталине, оказывался, хлеб имел различные примеси, а теперь никаких суррогатов к муке не примешивают, а «уж как испечен хлеб, от пекарей зависит». Однако он признает, что «мяса пока еще не хватает» (значит, Америку далеко еще не перегнали!). Новинкой в послесъездовских речах Хрущева являются комплименты по адресу поддержавших его на съезде секретарей Обкомов: «я знаю тов. Ларионова (1-й секретарь Обкома, 52-х лет, в партии с 1927 г., командует в Рязани уже 9 лет, член ЦК с 1952 г.) и других руководителей области, как волевых работников, настоящих ком-

мунистов, для которых интересы нашей партии, нашего народа дороже всего...» Среди всяких посулов, Хрущев пообещал населению «одежду, более красивую, другого покроя и более высокого качества», отметив, что до сих пор многие ходят зимой в ватники; «это покроей одежды времен царствования Николая Второго; он остался от первой мировой войны, когда давали солдату ватник поддевать под шинель. Теперь, может быть, настала пора сдать его в музей». Тут снова Хрущев солгал по своему обыкновению: ватник был хорош, когда согревал зимой в окопах верного Царю солдата, но в советское время ватники стали носить в мирное время в городах не одни заключенные (ватник грел меня в концлагере на работе и я его сохранил и в сибирской ссылке, как удобную в мороз одежду), но сейчас через 14 лет после конца войны шеголяют еще в таких ватниках рабочие и служащие по Рязани, ибо нет лучшей сравнительно дешевой зимней одежды, как свидетельствует сам Хрущев. После завода Хрущев посетил колхоз, покатался на тройке и пообещал у колхозного конюха; на другой день вручил области орден Ленина на митинге в театре им. Есенина и выступил с обычной демагогической речью, где снова сулил всякие блага. Из курьезов его речи отмечу замечание, что можно прославиться на весь мир, работая в глуши; в качестве примера он привел работу в молодости хирурга И. И. Пирогова в селе под Винницей и академика И. П. Павлова в местечке Колтуши под Ленинградом, умышленно не пояснив, что великие работы Пирогова были совершены не в деревне, а что Колтуши не просто деревня, а лучшая в России лаборатория Академии Наук.

16-го февраля он поехал в Тулу и там также посетил сперва совхозы и колхозы, выступил с речью на оружейном заводе, а на другой день вручил орден Ленина на митинге во дворце культуры им. Ленина. Тут он снова начал хвалить своих подручных: «с приходом товарища Алексея Ивановича Хворостухина (55-летний первый секретарь Обкома, в партии с 1924 г., переведен два года назад Хрущевым в Тулу из Иркутска, где командовал Обкомом с 1950 г.) на пост первого секретаря обкома дела в вашей области пошли лучше и вы заслуженно добились высокой награды — ордена Ленина». Здесь в Туле Хрущев выступил с неслышанно резкими нападениями на Аденауэра; он заявил, что после передачи власти восточногерманским коммунистам и заключения с ними мирного договора будет запрещено нарушать суверенитет их правительства путем воздушного снабжения Берлина, на что СССР ответит войной, ибо его войска стоят в Германии, «не чтоб играть в городки». Хрущев сказал, что он ни в чем не уступит Аденауэру, у которого «торгашеский подход к разрешению важных международных проблем». Также резко он говорил об американских дипломатах и особенно о шахе, которому напомнил судьбу короля соседнего Ирака. Эта сумбурная речь, видимо, смугила многих сподвижников Хрущева, потому что по возвращении в Москву он при первой встрече извинился перед германским послом Кролем: «мы, государственные люди, часто бываем резки в наших политических выступлениях, но этому не следует придавать значения; я питаю самое глубокое уважение к Вашему государственному канцлеру». Опять в таких словах сказались трусость Хрущева, который питает большее уважения к твердой политике Аденауэра, чем к занскивающим речам Мак Миллана.

Поездки Хрущева в Рязань и в Тулу позволят нам сделать три важных политических вывода:

1. Чувствуя непрочность своего положения после неудавшегося ему XXI съезда, на котором он не смог расправиться с оппозицией и «антипартиями», Хрущев старается поднять свою личную популярность дешевыми жестами вроде обеда у колхозного конюха или шуток с колхозными доярками-комсомолками, раздачей орденов и комплиментов по адресу тех первых секретарей обкомов, голоса которых ему до разрезу нужны для одобрения его политики на пленумах ЦК, где они имеют решающий голос; потому он лебезит перед Ларионовым и Хворостухиным, чего раньше не делал;

2. Он не позволяет таких поездок своим соперникам (Микоян, Козлов,

Политическая Хроника

КОРОЛЬ ПЕТР II

Нам пишут из Нью Йорка: Король Югославии Петр II объезжает в настоящее время главные центры расселения югославянской эмиграции в Соединенных Штатах. Из Сан Франциско Король Петр выезжает в Нью Йорк. В Сан Франциско и в Нью Йорке русские эмигранты, проживавшие до и во время войны в Югославии, по приглашению сербских организаций, приняли участие в устройстве банкетов в честь Короля.

МОНАРХИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Нам пишут из Нью Йорка: Здесь состоялось патриотическое собрание, устроенное исполнительным бюро Общероссийского Монархического Фронта. Просторный концертный зал, в котором собрание происходило, был полон до отказа. Собрание почтительно присутствием Е. В. Княжна Вера Константиновна. Русская православная иерархия была представлена епископом Флоридским Никоном.

После исполнения оркестром гимна Соединенных Штатов и Российского национального гимна, собрание было открыто, от имени исполнительного бюро, редактором журнала «Знамя России» Н. Н. Чухновым. Краткие речи были произнесены председателем исполнительного бюро Б. Л. Бразодем, представителем Имперского Союза П. Колтыпиным, представителем Патриотической Организации Русских Разведчиков в Нью Йорке А. Волковым, Н. Сигидой и — от имени Народно-Монархического Движения — И. Пиноци. Речи многократно перебивались аплодисментами.

Во втором отделении состоялся превосходный концерт, в котором участвовали певца Л. Азова, певцы Н. Глобачев и Я. Бартош, поэтесса Н. Белавина и пианистка Е. Тизенгаузен.

Перед закрытием собрания, оно вторично выслушало Российский гимн.

АМЕРИКА И ПРИБАЛТИКА

Нам пишут из Нью Йорка: По случаю 41-ой годовщины провозглашения независимости Литвы в 1918 году, государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Фостер Даллес передал американской прессе (из больницы в Вашингтоне, где он ныне находится) заявление, в котором заверил «народы Литвы, Латвии и Эстонии» в том, что «они не забыты».

Губернатор штата Нью-Йорк Рокфеллер провозгласил 41-ую годовщину независимости Литвы «литовским днем».

Комментируя заявление Даллеса и Рокфеллера, «Нью-Йорк Таймс» написал в передовой статье: «Мы не предполагаем начать войны за освобождение Балтийских государств. Граждане этих государств, как находящиеся ныне в изгнании за границей, также не защищают того национализма, который там существовал между Первой и Второй Мировыми войнами. Они хотят только политической, религиозной и культурной свободы. Они так же, как и мы, отдадут себе отчет в том, что свобода может существовать только в мире свободы. Путь Балтийских стран к лучшему будущему еще темен, но он не потерян и не будет потерян. Диктаторы не вечны. Настанет время, когда эти три маленькие, затерянные нации смогут выйти на свободу и объединиться с нами».

РАЗОБЛАЧЕНИЕ САМОВАНЦА

Нам пишут из Вашингтона: В программу одной из Вашингтонских телевизионных станций включены уроки русского языка. Преподаватель этого языка именовал себя Владимиром Толстым, внуком Л. Н. Толстого. В связи с этим А. Л. Толстая опубликовала в печати заявление, разоблачающее самозванство этого лица — Владимира Толстого-Милославского, не состоящего ни в каком родстве с семьей писателя.

Суслов), которых потом при случае обвинит в том, что они, подобно Маленкову и Кагановичу, «оторвались от народа и замкнулись в свою московскую кабинетную работу».

3. Эти поездки поднимают шовинизм и ненависть к Западу, на который он всегда грубо и лживо нападает, что создает удобную атмосферу для всяких военных авантюр, которые якобы одобряют хотя бы рязанцы и туляки, аплодирующие по приказу его нахальным

С. Л. Войцеховский

Письма из Нью-Йорка 10.

“В недалеком будущем земля получит в небе нового спутника — населенный, искусственный спутник, первый опорный пункт человечества в мировом пространстве. На нем будут жить люди, с земли он будет казаться спокойно движущейся звездой, хотя в действительности будет вращаться вокруг земли с невероятной скоростью... Полет на луну, с этого опорного пункта, будет только шагом, по сравнению с теми расстояниями, с какими нам приходится считаться в мировом пространстве...”

(Из книги Вернера фон Брауна “Старт в мировое пространство”, Штуттгарт, 1958 г.).

Если создатель Фау-1 и Фау-2 Вернер фон Браун, ставший, после поражения Германии, американским гражданином и неумолимым проповедником междупланетных путешествий, не ошибается в своих расчетах, через несколько лет человек впервые высадится на Луне.

Книга фон Брауна сулит не только это — полет на Марс кажется ему более трудным, но также осуществимым в ближайшие годы. Предварительно нужно соорудить — и для полета на Луну — пересадочную станцию в безвоздушном пространстве, лучше всего на расстоянии 1730 километров от земли. На это сооружение и на оба полета придется истратить, как думает фон Браун, около 4 миллиардов долларов.

Изумительный оптимизм ученого, которого издатели его книги назвали “ведущим ракетным инженером западного мира”, не подвержен ни малейшим колебаниям. Он не омрачен предчувствием возможных потрясений, хотя, конечно, он знает, что междупланетное пространство может стать — уже стало, скажем мы — новым полем военного соревнования.

“Существует, — пишет он, — еще и другое и, притом, ужасающее применение междупланетной пересадочной станции: она может быть превращена в действенный носитель атомных бомб; существует возможность так пользоваться этой станцией для обстрела земли небольшими крылатыми ракетными снарядами, что они будут достигать цель со скоростью, превышающей скорость звука; пользуясь радаром, можно будет поразить этими атомными снарядами любую точку на земле”.

При наличии соревнования, все сводится к тому, кто будет первым создателем смертоносной “станции”. Жизнь на земле подвергнется ее наблюдению. “Будет также существовать, — пишет фон Браун, — пространственная обсерватория, маленькая металлическая сетка на некотором расстоянии от междупланетной станции. В этой сетке будет находиться телескоп с параболическим зеркалом диаметром в 254 сантиметра, похожим на зеркало знаменитого телескопа на Маунт Вилсон. С помощью этого мощного телескопа можно будет

исследовать глубины вселенной и сделать такие фотографии звезд и планет, какие не могут быть сделаны ни одной обсерваторией на земле, обладающей телескопом такой же мощности. Междупланетным телескопом можно будет также пользоваться для фотографических снимков земной поверхности, причем на этих снимках будут видны мельчайшие детали... На снимках, сделанных междупланетным телескопом, можно будет различать на земле объекты, отделенные друг от друга расстоянием всего лишь в 40 сантиметров...”

Это непрерывное и точное наблюдение за землей делает войны невозможными, думает фон Браун. Сам же “опорный пункт человечества в мировом пространстве” будет, по его словам, неуязвимым. Приводимые им доказательства этой неуязвимости сводятся к утверждению, что “междупланетная станция сможет сама защитить себя от нападения и воспрепятствовать созданию таких же станций противника”.

“Может быть, — замечает он, — военные соображения, требующие сооружения этой станции в мировом пространстве, в конечном итоге, второстепенны, но, при современном положении, они особенно вески. Если пространственная станция не будет сооружена ради сохранения мира, она будет создана, как ни с чем не сравнимое орудие уничтожения”.

*

Книгу фон Брауна не назовешь “легким чтением”. Трудно судить об ее убедительности — нужно обладать для этого множеством таких научных сведений, каких у большинства читателей фон Брауна, конечно, нет. Убедительнее книги тот “скачок в пространство”, который изображен на включенной в книгу схеме: в сентябре 1944 года, поднявшись с небольшого острова на Балтийском море, германский снаряд Фау-2 взлетел ввысь на 175 километров; американский снаряд “Эксплорер”, в 1958 году, достиг 6400 километров...

Удивительно, как мало этот “скачок” страшился на русской политической мысли. Можно, конечно, возразить, что в Советском Союзе коммунистическая диктатура занята, и не безуспешно, желанием сорвать расчеты фон Брауна и его сотрудников, опередить их в состязании, которое должно дать победителю безраздельную власть над землей. Только враги России могут считать этот бег к бездонной пропасти проявлением русской политической мысли.

От русского народа цель состязания скрыта. Коммунисты молчат о военном значении “спутников”. Они лгут народу, говоря о своем миролюбии. Они пытаются использовать, в своих воинственных замыслах, то действительное миролюбие русских людей, в котором все чаще убеждаются побывавшие в

России иностранцы. Это несомненное противоречие между народным миролюбием и коммунистическим стремлением к мировому владычеству не родило, однако, да и не могло — в тисках советской власти — родить политическую мысль, отвергающую коммунизм и сознательно ведущую народ к другой, ясно провозглашенной цели.

При всем огромном значении духовного отталкивания от советчины, существующего в России и в народной толще, и даже в тех слоях народа, которые, казалось, с ней как-то примирились — награждение Пастернака Нобелевской премией непреложно это подтвердило — политическим движением оно пока еще не стало. Независимой русской политической мысли, открыто себя проявляющей, под гнетом коммунизма, нет и быть не может...

Как ни узка, как ни мелка струя этой русской независимой мысли здесь, за границей, в наших эмигрантских книгах, журналах и газетах, в наших собраниях, съездах и объединениях — именно мы, эмигранты, остаемся пока ее единственным рупором и это требует от нас особого усилия. Преодолев ту косность, к которой склонен каждый человек и которой — как естественное последствие пережитой нами великой исторической катастрофы, привязавшей наше сердце к прошлому — столько накопилось в наших политических оценках, притяжениях, отталкиваниях и надеждах, мы, русские противники коммунизма, должны отчетливо и кратко указать самим себе и русскому народу цель наших политических усилий — свободную Россию в свободном мире.

*

Мир, в котором мы живем, на наших глазах стал миром нераздельным. Если Богу будет угодно продлить его существование, эта нераздельность, рано или поздно — скорее рано, чем поздно — выразится политически в таких международных соглашениях, при которых невозможен будет никакой “чертополох” национальной самоизоляции и государственной обособленности.

Прав ли фон Браун, предполагая, что эта политическая нераздельность будет навязана земле “опорным пунктом человечества в мировом пространстве”? Вернее ли предположение, что его родит война, вспыхнувшая прежде, чем “спорный пункт” будет создан и, может быть, именно для того, чтобы воспрепятствовать его созданию? Гадать об этом сегодня бесполезно — на эти вопросы никто ответить не может...

Нам, русским противникам коммунизма, очевидно должно быть только одно — политическая нераздельность мира может быть достигнута или с участием России или против России, целью ее уничтожения. Только борьбой за свободную Россию, как часть свободного мира, можем мы, русские люди на нашей родине и за ее пределами, способствовать первому решению.

С.Л.Войцеховский

бленной жене, почему не хочет ехать в родной Ленинград:

— Я не Пономарев и не Павел... Пойми меня... Зовут меня Александр Мартирьев!.. отец бросил меня с матерью и мы почти нищенствовали... пришла война. Мать стала жить с немецким полковником Норденом. Он работал в Гестапо и уже тогда работал в Си-Ай-Си (в советских романах гестаповцы якобы во время войны между Германией и Соед. Штатами работали на американскую разведку — такую чепуху внушают советским читателям!). После войны мы с мамой оказались в Германии, а к полковнику приехала его жена; матери он давал деньги, но требовал расписки; мне он помогал учиться... я собирался вернуться в СССР и очень прилежно занимался, чтоб стать полезным родине человеком. Полковник все это поощрял. Я стал инженером. Полковник Норден сказал: можешь ехать, но сперва расплатись: вы жили десять лет на мой счет. Для расплаты он предложил мне пойти в его школу. Ради матери я согласился. Эта школа готовила тайных агентов для посылки в СССР на консервацию. Я не шпион, не диверсант! меня послали без всяких заданий... На консервацию... сделать карьеру, занять место, достойное моих способностей... вжиться... хочу, чтоб ты меня поняла... Мне нет пути назад.

— Как нет? — оттолкнула его Марианна. — Ты сегодня же пойдешь и расскажешь все!

— Меня расстреляют. Я не могу этого сделать!

— Если скажу я, тебя будут судить; если явишься сам, тебе ничего не сделают: у нас такой закон.

— Тогда те меня убьют; нет, лучше будет жить по-старому. Войны долго не будет, а они не вспомнят обо мне до начала войны...

— А потом? — в голосе Марианны зазвучали жесткие нотки.

— Наплевать на потом. У меня безупречные документы: в прошлом году они сумели изъять студента-выпускника ленинградского института Павла Пономарева, совершенно одинокого человека. Я похож на него, как близнец, до мелочей знаю всю его прошлую жизнь, у меня на руках все документы вплоть до справок о ранениях... видела ты мои шрамы? их делали лучшие хирурги Европы... Если же я их разоблачу, то они мать мою уничтожат там, а потом меня здесь: у них на этот счет строго...

— Но ведь тебя разоблачат, — возразила Марианна, — и не органы безопасности, а народ... они ведь начнут войну, надеясь выиграть ее с помощью таких, как ты. А ты, занимая большой пост, будешь наносить нам удары в спину. После первого выстрела много вас таких объявится!

Поняв, что жена намерена его предать, Павел наклонил лодку и Марианна упала в воду. Он пытался ударить ее веслом по голове, но промахнулся и бросился в воду, чтоб ее утопить, но, как полагается в советском романе, он сам утонул, а она выплыла и доложила обо всем властям, которые ее благодарили за намерение помочь аресту мужа.

Этот роман кажется мне весьма показательным: раньше побывавших за границей обвиняли в саботаже и шпионаже; теперь их будут обвинять в том, что они хорошо работают, чтоб занять важные посты в промышленности и “законсервироваться” для выступления против советского режима в первые же дни предстоящей неизбежно, по уверениям советских пропагандистов и писателей, войны. Отсюда ясно, что такие “романы” готовят для советского читателя к дикому избиению в момент мобилизации как раз наиболее заслуживающих бывших возвращенцев. Почитав такой роман, читатель сделает вывод, что любой Лев Любимов или Казем-Бек, якобы раскаявшийся солидарист Питленко именно для того и вернулись после пребывания за рубежом, чтоб заняться не сейчас, а во время войны вредительством и собрать нужные для противника сведения для передачи их ему после занятия советской территории.

Такие “романы” готовят читателя не только к неизбежности войны, но и к тому, что Шелепинские молодцы начнут войну с массового истребления вернувшихся из-за границы после Второй Мировой войны советских граждан. Шпионomanия даст огромное число невинных жертв среди заслуживающих возвращенцев. Конечно, самый рассказ абсурден; Павлу вовсе не на-

выпадам против Аденауэра или шаха, против Тито или больного Даллеса. Последнее может импонировать легковерным американцам, способным принять эти аплодисменты за поддержку русским народом авантюры военного характера..

Поэтому приходится внимательно изучать сумбузные и длинные речи Хрущева.

В трех последних ежемесячных книжках журнала “Октябрь” за 1958 г. напечатан длинный роман “Саламандра” малоизвестного партийного писателя В. Очеретина. В нем описываются любовные идиллии и трагедии работников

металлургического завода в Свердловске; роман написан по всем правилам последних партийных директив, которые именно поэтому делают его интересным. Среди всяких добродетельных партийных героев, всецело охваченных стремлением организовать новые методы плавки стали, и нежных и верных в любви, бросается в глаза бездушный, но умный и способный молодой партийный инженер-карьерист и интриган Павел Пономарев. Многие не одобряют его легкомысленное отношение к влюбляющимся в него сослуживцам; другим не нравится его сдержанность в отношении друзей по партии; начинают подозревать, что он “не наш”, хотя он женится на враче завода Марианне

Сергеевне Орловой. После свадьбы он достает в профкоме две путевки, чтоб поехать с женой в Kisлoвoдск; но принципиальная партийка, Марианна, отдает путевки двум нуждающимся в лечении рабочим и настаивает на поездке с мужем в Ленинград, чтоб повидать город великого Ленина и родину мужа, который почему-то не хочет ехать в город, где кончил институт и жил до назначения в Свердловск. Он не знает, что связанные с “органами безопасности” партийцы уже послали в Ленинград одного чекиста проверить в Институте его прошлое. Перед поездкой он предлагает жене покататься в лодке и, отъехав в пустынное место Исетского озера под Свердловском, объясняет влю-

до было, женившись для маскировки на ярой и жестокой коммунистке, раскрывать ей глупейшим образом свое прошлое, но иначе автор не смог бы изобразить нам козни американских агентов, якобы работавших в годы войны в Гестапо!

22-го февраля умер в Киеве 76 лет один из зловреднейших в прошлом коммунистических деятелей, Дмитрий Захарович Мануильский; родившись в 1883 г. в богатой еврейской семье, он сразу по поступлении в 1903 году в Петербургский университет, вступает в большевистскую партию, в которой провел 56 лет жизни. Руководимый ненавистью к России, он с Губельманом-Ярославским работает по пропаганде в войсках столичного гарнизона. Затем работает в Двинском гарнизоне и, наконец, организует Кронштадтское восстание в 1906 г. Его арестовывают, но не найдя улик, ссылают после отказа в даче показаний в Якутск; подкупив надзирателей, он бежит из первой же пересыльной тюрьмы в Вологде и снова работает в военной организации большевиков в Петербурге, затем в Киеве, где, не решаясь пропандировать против Бога и Царя, возбуждает солдат против офицерства и фельдфебелей, играет на сказке, что "генералы продали Порт-Артур, а адмиралы продали флот, умышленно погубив его в Цусимском бою"; в конце 1907 г. он при аресте удирает и едет в Париж, где через 4 года получает диплом юриста в Сорбоне. Через год едет нелегально в Москву, но в 1913 г. снова бежит за границу. После революции работает по разложению армии; в дни боев против Керенского он назначен военным комиссаром Красного Села, затем заместителем Наркомпрода. При Скоропадском возглавляет большевистскую делегацию Красного Креста в Киеве, где ведет подпольную работу на глазах беспечных властей. Затем занимает разные высокие посты на Украине. В 1922 году переходит на работу в Коминтерн, где через два года становится членом Президиума Исполкома, а с 1928 г. политсекретарем вместо зинovieвца Пикеля. 15 лет до формальной ликвидации руководит подрывной работой во всем мире, затем в 1943 г. переходит на работу в ЦК, где руководит директивами иностранным компартиям по поддержке помощи СССР в союзных странах. В 1944 г. он назначен заместителем председателя совета министров и министром иностранных дел Украины и в 1945 г. едет первым представителем Украины при создании Объединенных Наций. Американцы очень были рады видеть, что после нацистской оккупации Украина представлена в Объединенных Нациях не украинцем, а евреем, но они не соображали, что это заклятый враг Соед. Штатов, 15 лет командовавший из Москвы американской компартией. В 1952 г. по болезни старик Мануильский покидает руководст-

Н. Кусаков

О РЕЛИГИОЗНОЙ СУЩНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

"События, развивающиеся в мире не по их плану, а в силу имманентных законов, присущих развитию общественных отношений, научат их лучше и внимательнее оценивать то, что происходит вокруг них". Так говорил А.Я.Вышинский, обращаясь к Западным Демократическим странам в речи на заседании Политического Комитета VI Сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. См. газету "Известия" от 19-го декабря 1951 года.

Коммунизм есть языческая религия! Поясним заглавие. Мы говорим не о Советской власти, а о власти коммунистической, потому что Советской власти как таковой не существует. Советские в СССР от сельского до верховного, никакой власти не имеют. Они являются звеньями правительственной системы. Каждый их член целиком зависит от коммунистической партии и, будучи или не будучи ее членом, осуществляет не свою, а ее волю. Будучи аристократией страны, коммунистическая партия народу не подчиняется, но принуждает его исполнять свою волю. Здесь, в свою очередь, низшие органы партии своей инициативы не имеют. Они являются лишь проводниками воли олигархии, воли группы единиц, составляющих, так называемое, политбюро. Последнее в своей жизни стоит на грани между коллегией и единодержавием, причем, как показал опыт 41 года, последний принцип довлел над первым. Верховная власть в СССР принадлежит тому лицу, которое добравшись до участия в политбюро, умеет внутри последнего овладеть ею, т.е. верховной властью.

Но чему же подчиняется политбюро? Каким принципом руководствуется оно как коллегия ли, или как единодержавие? Не подчиняясь воле народа политбюро должно тоже руководствоваться чем-то, каким-то принципом, идеалом или целью. К этому вопросу мы обратимся несколько позже. Сейчас нам важно установить лишь то, что верховная власть в СССР принадлежит ни народу, ни советам, а коммунистической партии.

Хотя бы, говоря об СССР, мы часто и пользовались термином "Советская во украинской дипломатией и работает по возможности по надзору за Украинской Академией Наук. Последние семь лет он по болезни фактически почти не работал, но числился постоянно переизбираемым членом ЦК компартии Украины, академиком и доктором исторических наук. Некролог этого лютого врага нашей Церкви и нашего народа, пазлагателя западного мира подписали Хрущев, Ворошилов, Микоян, Суслов, все секретари обкомов Украины и командующий Киевским округом маршал В. И. Чуйков.

Алексей Ростов

власть", за этой привычной формулой надо всегда досматривать, что мы имеем дело с советской системой государственного управления и со страной, где верховная власть принадлежит политбюро коммунистической партии. Верить в то, что правительственные органы советской системы, через избрание путем голосования, являются исполнителями народной воли, мы предоставляем наивным иностранным наблюдателям. В советскую власть, как во власть народную, в СССР не верит никто. Самая мысль о том, якобы власть там принадлежит народу и им осуществляется через советы, советскому обывателю в голову придти не может. Он ее почерпает из материалов пропаганды и из учебников. Он выучивает ее, как обязательную формулу, но поверить в нее не может, так как эта формула противоречит ежедневной, очевидной действительности. Советский обыватель знает над собою власть коммунистической партии, и к самым избирательным урнам для выборов в советы он идет в сознании, что этим он исполняет волю партии, ибо ей принадлежит верховная власть в стране.

Второй вопрос, вызываемый заглавием этой статьи, состоит в том, что представляется странным, как можно говорить о религиозной сущности коммунистической партии, словом и делом доказавшей свою антирелигиозность? Ответ на это отчасти уже прозвучал в первой строке нашей статьи. Коммунизм есть языческая религия!

Самое слово "религия" обозначает — восстановление связи, "ре — легио". Религия предусматривает стремление человека к воссоединению с Богом. Но у людей понятия о Боге чрезвычайно разнообразны. Отсюда происходит и наличие стольких религий на земле. Какое бы, однако, ни было понятие человека о Боге, признает человек Бога Творцом вселенной и своего собственного божество (написанной строчкой буквой) является его сознанию, как высшая и непреодолимая сила, повелениям которой человек обязан подчиниться, действовать в соответствии с предначертанными ею законами. Божество устанавливает законы бытия и горе тому, кто им не подчиняется. Обратное: подчинение и соответствие этим законам связывается с приобретением блага.

Признание существования законов бытия стоящих вне и выше человека, может соединиться у него с мыслью о существовании законодателя, но может обходиться и без представления о нем; тем не менее уже самое признание существования законов бытия, стоящих вне человека и выше него, ставит человека в сферу религиозной жизни, т.е. жизни, где человек испытывает обязанность этим законам соответствовать, им подчиняться для приобретения блага и для избежания невыгодных обстоятельств, неминуемых при их неисполнении. Человек стремится к воссоединению если не с законодателем, существование которого он отрицает, то с законами бытия, в которое он верует. Больше того, по сути дела, человек, отвергающий законодателя, но признающий существование вне и выше него стоящих законов бытия, присваивает этим последним свойства божества и подчиняется им как законодателю. Они — его бог.

Он верует в это свое божество даже тогда, когда ему кажется, что он опытно его постиг, ибо этому опытному постижению предпоставляется принятие сознанием факта существования каких-то законов бытия, довлеющих над человечеством. Человек стремится убедить себя в том, что существуют именно заранее им избранные законы, а не какие-то другие. "Тьма низких истин нам дороже нас возвышающий обман!" — сказал Пушкин *) Ища утешения горделивому сознанию своей правоты в избрании законов бытия, человек, отвергший Бога Творца и лишившийся Его руководства к проверке верности своего мышления, не замечает обманности того, что ему кажется опытным постижением принципа, предначертанного ему его верой. Вера предшествует его опытному познанию и подчиняет себе последнее.

Таким образом, этот элемент религиозной жизни (вера), одинаково присущий сознанию человека вне зависимости от того — признает он существование законодателя или нет, ставит нас в необходимость говорить о религиозной сущности дела тех, кто заявляет о своей антирелигиозности.

Коммунистическая антирелигиозность есть не отрицание существования божественной силы, стоящей вне и выше человека, но отвержение, отказ, отступление от Бога, исповедуемого Церковью; она есть поставление на Божественный пьедестал иного божества, некоей силы, субстанции, присущей материальному миру. Это есть поставление твари на место Создателя. Этот акт человеческого сознания лежит в основе всякой языческой религии. Мы находим его и в Древнем Египте, и в Персии, и в Греции, и т.д. Разница лишь в том, что у древних было забвение Истинного Бога, а в коммунизме — Его

*) "Тьма" — старославянское десять тысяч; не мрак.

ПРОФ. Е. МЕССНЕР

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

III. ВОЙНА И ПОЛУ-ВОЙНА

Каждой фазе развития человеческого общества соответствует особая форма вооруженной силы. В феодальную эпоху войско состояло из рыцарских дружин, столь же автономных в отношении вождя, сколь автономны были сюзерены в отношении суверена. В века абсолютизма войско становится королевским, и вербуются, главным образом, путем рекрутских наборов. Когда сословия получили права (после французской революции) войско превращается во всесословное на базе воинской повинности.

Теперь парламентское народовластие эволюционирует в сторону прямого народовластия: на Западе митинговые толпы диктуют свою волю, а на Востоке заводские резолюции создают фикцию "народно-народного" властвования. Сообразно с этим отходом от исторического разделения на правящих и управляемых происходит и отход от традиционного разделения на воинов и граждан: создается понятие гражданин-воин: каждый гражданин имеет право и обязанность действительно участвовать в открытом или тайном воевании.

Теперь немыслимо себе представить войну без "резистанс", без "армии крайовой" в подполье, без партизанских бригад. Теперь надо считаться с тем, что нет больше деления на театр войны и на воюющую страну: совокупность территорий обоеих противников это — театр войны. Теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны — все способы узаконены, если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет разделения на войско и население — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие — при удобном случае. Теперь регулярное войско лишлось военной монополии: наряду с ним (а, может быть, даже больше чем

оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации. Отсюда три следствия:

Первое: война приобрела новые формы. Алжирцы прошлись по Франции поджогами нефтехранилищ и убийствами на улицах городов и это — современный вид кавалерийского рейда в глубокий тыл противника. На Кипре английские солдаты устраивали "варфоломеевские дни" для терроризирования террористов ЕОКА и это — современное контрнаступление на иррегулярном фронте.

Этого полководцы не предвидели, а увидав, не поняли. Немцы оказались беспомощными против партизан Ворошилова, бандитов Тито, террористов Сикорского и "макки" де Голля.

Второе следствие: появление иррегулярного войска привело к вульгаризации понятия "войско", а отсюда — снижение военной этики. Этика допускала военные хитрости, но не коварство. Ныне же в штабах разрабатывается тайное воевание: стратегия, оперативка и тактика низости — террора, вероломства, измены. Отряд Леонида погиб в Фермопилах вследствие предательства одного грека, полководец Скопин-Шуйский был отравлен каким-то вероломцем, террористические приемы применяли Грант и Шерман в американской междоусобице. Но все это эпизоды. Сейчас же годность вводится в систему и арабский способ ведения войны — "грязная война" — становится основной частью каждой войны. Почувствовавши свою беспомощность в Алжире, офицеры генерала Массю приехали лихорадочно обрабатывать ими приобретенный опыт боевых действий в проигранной "неправильной" войне против Вьетнама. То, что поняли парашютисты Массю, еще не постигают иные офицеры Франции, еще менее постигают это офицеры других стран и совершенно не постигают политические деятели Запада.

Третье следствие: воюющее государство стало весьма живучим. Франция под Седаном потеряла свою армию и после этого не могла организовать войска для сильного сопротивления — пришлось запросить мира. А

отрицание. Но мыслительный процесс абсолютно идентичен.

Признавая, что человеческому обществу присущи имманентные законы, которым оно подчиняется, коммунизм их то и обожествляет, приписывая им силу, для человека непреодолимую, силу, которая стоит вне и выше человека, хотя эта сила присуща материальному предмету: человеческому обществу, человечеству. Так самое прогрессивное, самое передовое учение скатилось на уровень древнего язычества и из знаменитого XX века попало векам на двадцать пять назад. Единственно в чем оно ушло «вперед» это — что оно отрицает загробную жизнь, тем самым еще глубже лишая человека духовной жизни и «превращая» его в одну только плоть.

Коммунистическая власть не безрелигиозна. Безрелигиозность представляет особую категорию. Она не столько отрицает существование Божества, сколько являет либо отрицание Его законов, либо полное к ним пренебрежение. Безрелигиозность поставляет наивысшим авторитетом человека его волю, волю народа. Здесь господствует лаицизм. («Лаос» — народ). Такая категория присуща в настоящее время странам демократического принципа. Они выключили религию из понятия, связанного с законами, стоящими вне человека и выше него. Они определили религию, как «Privatsache», как частное дело каждого, и допускают полную свободу религиозного исповедания постольку, поскольку религии не нарушают принципа, по которому верховная власть принадлежит народу, а сам человек, человеческая личность, из которой рождается народ, в своих решениях способен определять — что хорошо или что плохо и вообще жить так, как он находит нужным.

О безрелигиозности в советской системе и при коммунистической власти не может быть и речи. Верховная коммунистическая власть твердо исповедует веру в существование вне и выше человека стоящих законов развития, имманентных человеческому обществу. Вера в эти законы, которую они приобретают значение божества, есть вера политбюро коммунистической партии, о чем их вожди и представители заявляли громко, неоднократно и с полной отчетливостью. Этим-то законам и подчиняется политбюро, ими руководствуется в осуществлении своей власти и требует им такого же полного подчинения от каждого гражданина СССР. Этот вид язычества, при котором свойству материи присваивается деятельная способность, стоящая вне человека и выше него, и есть коммунистическое язычество, религия коммунизма и государственная религия СССР. Социализм и коммунизм там поставлены целью не потому, что так кому-то хочется, но потому, что та и другая общественная система считается, по коммунистической вере, исторически

предначертанной законами развития, имманентными человеческому обществу. Эти законы, как верует коммунист, стоят вне человека и превыше его. Это — рок! Коммунистическое божество желает, чтобы был коммунизм и социализм, и коммунист подчиняется этой сверхчеловеческой воле и стремится ей соответствовать. Такова глубокая вера каждого коммуниста, хотя бы в партийной среде в СССР и было полно «делег», «Ni foi, ni loi», для которых партийный билет является ключом к карьере и «хлебной книжкой», а штопор — спутником коммуниста.

Только истинно верующие, правдивые коммунисты находят себе путь наверх и становятся причастными к верховной власти, и ошибочно думают, что в кресла советской коммунистической аристократии и олигархии и, наконец, в кресла коммунистического единоразовника приводит только одна глубокая беспринципность, властолюбие и способность шагать по лужам крови через трупы соперников. Нет. К этим креслам ведет долгий путь, на котором каждый стремящийся должен доказать перед выше и ниже его стоящими членами партии свое исповедание, свою способность понимать, толковать и применять на деле эти самые законы развития общества, действовать применительно к предначертаниям рока. Безжалостное интриганство, конечно, тоже играет свою роль, но жертвами его гибнут прежде всего те, кто словом, и делом проявляют свою неверность религии коммунистического язычества.

Законы, имманентные развитию человеческого общества, как известно, «вскрыты» и изложены Марксом и Энгельсом и истолкованы Лениным и Сталиным. Знать их есть святая обязанность каждого коммуниста, и советская аристократия их знает и в них верит. Каждый из них думает, что он опытно постиг эти законы и опытно же их постижение вменяется в обязанность каждому советскому студенту, каждому обывателю, каждой домашней хозяйке. Для такого опытного постижения, т.е. для того, чтобы убедить людей, что эти законы на самом деле существуют и довлеют над человечеством, извращается история, причем даже и авторы этих извращенных курсов истории и прочих наук, относящихся к данному делу, не всегда дают себе отчет в том, что они (эти авторы) бессовестно лгут.

Они честно мыслят так: документы предъявляют некоторые факты. Но эти факты противоречат Марксу, Ленину, Энгельсу или Сталину. Но ни один из этих людей ошибаться не мог. Значит — ошибка в исторических документах! И вот документы подвергаются анализу, проверке, логическим поправкам или обходятся молчанием. После этого история преподносится в таком виде, что не только соответствует Марксу, но вполне подтверждает наличие этих самых пресловутых законов развития.

Н. Потоцкий

ИЗ МОЕГО ПОЧТОВОГО ЯЩИКА

Из письма полковника А.:

«Вы помните, вероятно, что я писал Вам, как во время последней войны я в течение 15 месяцев работал в Германнии плечо к плечу с военнопленными красноармейцами, бараки которых были в 50 шагах от того барака, в котором я жил. И вот, там, в то время как мы грелись у костра или долбили киркой промерзшую землю, я неустанно и методично рассказывал им о Царской России, о Государе-Мученике, об Императорской Армии и, как оказалось

Делается все это (за малыми исключениями) не из страха или подхалимства, но по глубокой вере, что Маркс ошибаться не мог, как не могли ошибаться и другие корифеи. Читателю остается лишь утверждаться в вере в существование коммунистического божества.

Овладев такой наукой, коммунист считает себя образованным человеком. Но даже и верхушки коммунистической олигархии, даже и ученые из партийной аристократии не замечают страшного провала в своей подготовке, провала, состоящего в том, что кроме этого... они ничего не знают. Поэтому их суждения и бывают поразительно безграмотны. (Например, филологические суждения Сталина выявляли его полнейшую общую необразованность). Но коммунисты больше ничего знать и не хотят, опасаясь поколебать свою веру, веру в законы развития, стоящие вне и выше человека.

«Советчики» поразительно некультурны. Эту свою некультурность им удается скрывать, держать, как говорится, «при себе», лишь благодаря тому, что они тщательно избегают встреч и обстоятельности, при которых она непременно выперла бы наружу, как шило из мешка. Хрущев может «положить на обе лопатки» своих западных интервьюеров на темах о марксизме, об экономике, о политике и т.п., он может показать изрядное знание географии и т.д. Но доведись ему встретиться соперника, который сумел бы из берлоги марксизма вытащить его-на Божий свет чистой философии и неискаженной истории, великий эрудит Никита Сергеевич оказался бы гол, как сокол. По счастью для него его западные соопросники сами нужной в данном случае эрудицией не блещут, что и помогает Хрущеву прослыть образованным человеком.

Коммунисты сами не замечают того, что вся их наука превратила их в древних язычников. Они не отдают себе отчета, что служат языческому богу, но служат они ему от души, будучи уверены, что тот им помогает и впредь поможет.

(Окончание следует)

Н. Кусаков

потом, с большим успехом. В последний день совместного полукаторжного труда все обняли меня, как своего родного, и говорили, что все, что я поведал им, они точно передадут там на родине. Уже не было полковника-белогвардейца и красноармейских бойцов, были одни православные русские люди и в душе их — «За Веру, Царя и Отечество». И вот, по своему обычаю петь каждый вечер перед сном свои песни, знаете, что они спели мне в этот последний вечер? — «Боже, Царя храни» и «Славься Ты, славься, наш Русский Царь», — чему их выучил я.

Представьте же себе, как я был взволнован на этих днях, когда совершенно неожиданно в старческий дом, где я живу, явились двое из них: сержант (крестьянин) и боец (рабочий). Увидя их, я просто не поверил своим глазам. Они обняли меня душевно и, поверьте, слеза невольно набежала и у них, и у меня.

Судьба их была такова: по возвращении в СССР они отбывали наказание на каторге, потом их отправили в штрафные части, с которыми они попали в Венгрию, где перешли на сторону восставших. Потом ушли в Австрию, из Австрии их перевезли в Германию и, наконец, направили в Канаду. Для отправки туда их перевезли во Францию, где они случайно услышали мою фамилию, узнали мой адрес и приехали ко мне.

Много было вспомнито и переговорено. Передаю Вам только особо Вас интересующее:

1. Все, что я им говорил, они, как пообещали, передали «из уст в уста» на родине и все было очень глубоко воспринято слушающими; 2) о социализме там больше не может быть и речи; 3) отношение населения к сов. патриаршей Церкви отрицательное; 4) НТС — московский филиал и доверия там никакого иметь не может и не имеет; 5) относительно эмигрантских организаций там говорят, что они занимаются словоблудием, т.к. лишены практической активности (динамизма, по их выражению), говорят и пишут на языке, русскому народу мало понятном и размазанном, а руководители этих организаций совершенно не знают нынешнего русского народа, который инстинктивно и упорно тянется к Православии и к Хозяину-Царю.

5-го января я проводил их на вокзал. Мне просто невозможно передать Вам и эту встречу, и это прощание на вокзале.

Из этого короткого, но глубоко волнующего рассказа выводы напрашиваются сами собой. Освобожденный Русский народ воспримет идею Монархии легко и свободно, но — для этого надо говорить ему простым и понятным языком и говорить уже теперь. А потому, друзья-монархисты:

КРЕПИТЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД
НАРОДНОЙ МОНАРХИИ!

Н. Потоцкий

Польша потеряла в две недели сентября 1939 г. все свои армии, но продолжала воевать до 1945 г. В прежние века было почти правилом игры, что государство сдается, коль скоро противником взята столица. Но в Югославии немцы завоевали пять столиц — Белград, Загреб, Люблян и заштатные столицы Цетинье и Скопье — а война продолжалась. Капитуляция, подписанная правительством, всегда означала конец войны. Маршал Петэн ратифицировал капитуляцию, но часть населения, из-за границы руководимая генералом де Голлем, продолжала сопротивление.

Государства жили в мире или воевали. Третьего положения не бывало. Его выдумал Троцкий: не мир и не война. Эта формула отказа от заключения мира сейчас приобрела иной смысл: отказ от явной войны. Упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями. Можно воевать номинально и даже забыть о своем нахождении в войне: Андорра с 1916 г. «воевала» против Германии и лишь в 1958 г. вспомнила, что еще не заключила мира. Можно быть в войне, не воюя явно: Греция и Турция вели непрямую войну за обладание Кипром, поддерживая ЕОКА и милицию из кипрских турок. Можно и без войны послать солдат для завоевания: солдаты Сирии тайно проникли в Бейрут, чтобы участием в либанонской мусульманско-христианской междоусобице добиться завоевания Либанона Арабской республикой. Можно вести военные действия, сохраняя мирные отношения — так Турция воевала в Корее против Советов. Можно даже воевать, состоя во вражеской коалиции — так СССР воевал в той же Корее против Организации Объединенных Наций, будучи членом этой Организации. Можно мирное сожительство и сосуществование совмещать с тем, что в просторечии называется «холодной войной».

Ныне существуют четыре формы международных отношений: война, полу-война, агрессодипломатия и дипломатия.

Война это — открытая борьба оружием. Безразлично каким — войсковым или бандитским. Безразлично — порваны ли дипломатические отношения или нет. Так Израиль, не имевший с 1949 г. дипломатических сно-

шений с Египтом, вторгся в 1956 г. на Синайский полуостров, а Франция и Англия вторглись в Порт-Саид, уверяя, что не воюют с Египтом.

Полу-война это — прикрытое участие в войне или междоусобице. Краснокуитай за спиной Вьетмина воевал против Франции с Вьетнамом; Вашингтон ведет полу-войну против Пекина маневрированием 7-ой эскадры в Формозском проливе; Египет воюет против Франции непрямым образом — в отместку за нападение на Порт-Саид питает алжирскую междоусобицу.

Агрессодипломатией можно назвать то, чему обычно дают глупое наименование «холодная война», которую можно было бы (столь же малосмысленно) именовать «горячей дипломатией». Агрессодипломатия это — усиленная форма дипломатии, подобно тому, как полу-война есть ослабленная форма войны. Кремль препятствует про-Вашингтонскому курсу Аргентинской политики помощью политических забастовок, буйных демонстраций и массовых актов насилия — это пример агрессодипломатии. Разница между полу-войной и агрессодипломатией очевидна: в первой применяются оружие войск, партизан, диверсионных групп, а во второй преобладают политические приемы, хотя случаются пистолетные перестрелки и взрывы бомб ради вящего эффекта.

И, наконец, четвертая форма: дипломатия. Это политическая деятельность в перчатках с применением классических приемов уговариваний и угроз, выпрашивания и вымогательства. (Примечание к термину «дипломатия»: Даллес — дипломат, а его деятельность — дипломатия, подобно тому, как Жуков стратег, а его деятельность — стратегия).

Эти четыре формы международных отношений переплетаются причудливым образом в человечестве нервном и встревоженном, боящемся войны, ощущающем, что сомнительней стала ценность афоризма: «Война есть зло, позволяющее избежать больших зол». Что ныне большее зло — невыносимо-трагичный мир или свирепая война? «Радуйтесь войне, — говорил немцам Геббельс. — Мир страшнее ее!»

Дневник наблюдателя

ДВА "Б"

Хотя наши заметки доходят до читателя, что называется, "задним числом", надеюсь, что они не бесполезны. В них содержится нить событий и благодаря их краткости и, надеюсь, достаточной полноте, они служат и послужат удобным материалом для тех, кто пожелает восстановить в памяти течение событий за какой бы то ни было промежуток времени.

Положение в отношении Берлина сейчас ознаменовано двумя поездками: посещением Вост. Германии Хрущевым и визитом Мак Миллана в Париж и в Бонн. Первое характеризуется все теми же заявлениями коммунистического "хозяина". Он говорил о необходимости мира, о готовности СССР заключить мир с Германией и о том, что решение СССР в этом смысле непреклонно. Он готов заключить мир с "обеими Германиями"; он готов дела мира принять участие в конференции с кем угодно, "хоть с самим дьяволом", как вежливо выразился Никита Сергеевич, и немецкие коммунисты вместе с кремлевскими коммунистами уже засели в Панкове писать текст мирного договора, который имеет все данные быть началом войны.

В Америке отказываются комментировать заявления Хрущева, т.к. каждое из них противоречит другому. Наставная на своем, он, например, согласен на оставление в Берлине войск всех четырех "союзников", с тем, однако, чтобы эти войска не имели никаких прав. Находясь в Берлине, Хрущев вызвал к себе вождя зап.-германских социалистов Олленхауэра. Тот ласточкой полетел на родной зов, но переговоры с ним ничего не дали. Зато другой германский социалист Вилли Брандт, городской голова Зап. Берлина, на приглашение Хрущева ответил отказом. Хрущев уехал в Москву, оставив по себе след тревоги в мире, а коммунистам — уверенность, что "будет по-нашему". Как же! Хрущев диктует миру свои условия! Он — "всему свету голова"! С его стороны поставлены и условия, и сроки. Он ждет: как будут решать поставленную им задачу люди, сидящие по другую сторону шахматной доски. Делу мира во всем мире объявлен "шах".

Мак Миллан уехал из СССР в атмосфере улыбок, спрятав за английским хладнокровием и невозмутимостью кислый оттенок этих улыбок. Его решение очевидно: пустить проблему Берлина в долгий ящик переговоров. Надо же что-то и уступить, если желать мирного решения! И он взял твердый курс на гибкую политику. Она должна состоять в том, чтобы овцы были целы и волки сыты. Если Хрущев хочет конференции Глав Государств, надо его удовлетворить. Однако, Запад хочет конференции министров иностранных дел — поэтому надо созвать эту конференцию министров, направив ее таким путем, чтобы она привела к конференции Глав Государств. И волки сыты, и... но целы ли будут овцы?

По случаю начала занятий в РУССКОЙ СУББОТНЕЙ ШКОЛЕ при ОРОУ (Оливос, Хозе Эрнандес, 2665, Скаутский бар.), в субботу 21 марта с. г. в 10 час. утра, в помещении Школы будет отслужен МОЛЕБЕН

БОРИС ПАСТЕРНАК

ДОКТОР ЖИВАГО
РУССКОЕ ИЗДАНИЕ С ОРИГИНАЛА
на днях выйдет из печати в САСШ и будет рассылаться заказчикам. Желающие приобрести эту знаменитую книгу могут выпустить ее через "НАШУ СТРАНУ", посыл в редакцию или внося представителю газеты в данной стране в местной валюте ее стоимость и сообщив в редакцию свой адрес.

658 страниц в переплете
Цена Ам. \$ 6.50. Пересылка Ам. \$ 0.25
ТИРАЖ ОГРАНИЧЕННЫЙ.
НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ
НА ЗАВТРА СВОЙ ЗАКАЗ!

Для заказчиков из Аргентины, Парагвая и Бразилии ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ —

ЦЕНА 360 арг. песо с пересылкой.

Здесь, на конференции, все вопросы и должны быть решены. Для того, чтобы коммунистам было сподручнее, надо немного уступить им, полагает Мак Миллан, и рекомендует частичное разоружение некоторых зон по обоюдному согласию. С этой миссией он побывал в Париже и в Бонне и говорил с ген. де Голлем и д-ром Аденауэром. Уехал он к туманным берегам своей отчизны снова с улыбками, с убеждением в полном согласии де Голя и Аденауэра и с надеждой склонить Айзенхауэра присоединиться к твердой линии гибкой политики. Впрочем немцы помнят цену английских милых невозмутимых улыбок.

Прежде чем Мак Миллан приедет в Америку, Айзенхауэр намеревается обратиться к народам САСШ с подробной речью о берлинском кризисе, что, конечно, повлияет на пути английского влияния на Айзенхауэра. В Соед. Штатах на берлинский кризис пока что смотрят так: не уступим! Если СССР хочет уступок с нашей стороны, то пусть тоже уступит и он сам, например, выведя свои войска из Вост. Германии, Венгрии, Болгарии, Польши, Латвии, Литвы и др. стран. Такое настроение Америки делает миссию Мак Миллана не очень легкой и можно надеяться, что гибкость его политической линии после визита в САСШ приобретет некоторую твердость. Сев. Америка диктаторов принимать не желает и на линии уступок коммунистам ("русским") уже дошла до предела. Дальше идти нельзя. И мин. иностр. дел Англии Сельвин Ллойд уже высказывает, что Англия хочет мира, но не любой ценою.

Здоровье Дж. Фостер Даллес быстро идет на поправку и его возвращение к политической деятельности вопрос дней.

В СССР продолжают суды над немецкими "коллаборантами". В Польше приговорен к смертной казни Эрих Кох. В Будапеште тоже суды! Если к нам на край света доходят эти отдельные весточки, то ЧТО же творится там?

Но вернемся к "Берлину". По плану Мак Миллана конференция министров должна собраться в мае, а конференция Глав Государств (Хрущевская мечта!) — в течение этого года. Спрашивается, устроят ли эти сроки Хрущева? Расчет Мак Миллана прост: "законферировать" поднятый Хрущевым вопрос, разменять его на сроки оттяжек, а там... а там видно будет.

Но пока случится что-то способное оттянуть решение берлинского узла, пока появится что-то "что, там видно будет", в другом месте нашего глобуса возникли обстоятельства способные быть чреваты чрезвычайными последствиями.

Возмущенные коммунистическими тенденциями Кассема арабские националисты в Ираке подняли восстание. Оно началось в Мосуле под командованием Абдель Вагаба Шавофа. Мосульское радио провозгласило войну против коммунистического Кассема, на что тот ответил военными действиями. В дело вступила Кассемовская авиация и в разгоревшейся битве восстание было быстро подавлено. Шавоф был убит прямым попаданием авиационной бомбы. Его сторонники ушли в горы. Идет партизанская война. Восстание вышло на сцену преждевременно, что повело к его быстрому поражению, но борьба против коммунизма в Ираке продолжается и исход ее — вперед.

Вести о событиях в Ираке поступали и поступают не из Багдада, где засел новый "Багдадский вор" — Кассем, а либо из Бейрута, либо из Дамаска. Это свидетельствует о замешательстве в Ираке. Вести эти говорят о кровавой бане, устроенной коммунистами в подавленном ими Мосуле. Улицы полны убитыми, коммунисты врываются в дома и смерти предаются и женщины и дети. Коммунистическая революция в разгаре. Часть повстанцев скрылась в Сирии. Сюда же был доставлен гроб с останками одного из вождей восстания полк. Шигаба. Гроб его был обернут в знамя ОАР и его погребение вылилось в антикоммунистическую демонстрацию, самую мощную из всех до сих пор бывших в Арабском мире.

В свете этих событий по-новому явился миру фигура Нассера. Если он играл с Москвой ради экономической помощи, то теперь становится очевидным, что, будучи арабским национали-

стом, он не намерен уступить коммунизму ни одной пяди. Тон его речей по адресу иракского коммунистического диктатора Кассема — явно враждебен. Он заявил, "Кассем превратил себя в простого агента международного коммунизма и его миссия в том, чтобы сткрыть в Ирак двери всем коммунистам из Сирии, которые предпочитают коммунизм иракскому национализму"...

Последовательная политика Нассера, направленная к торжеству арабского национализма, естественно поставила его на линию антикоммунизма. Долго ли удержится он на "третьей позиции", сохраняя дружбу с Москвою?

На похоронах Шигаба в Дамаске с патристическими и антикоммунистическими речами выступали муллы, равно как представители христианского мира. Все осуждали Кассема за кровопролитие. Траурные собрания произошли также во многих других городах.

Отношения между ОАР и Ираком напряжены до крайности и совершенно очевидно, что занавес трагедии происшедшего восстания арабских националистов в Мосуле не опустился. Действие продолжается. Льется кровь, гибнут люди, коммунистический террор свирепствует в Ираке. Революционеры ответят за кровь убитого ими монарха короля Фейзала, и Кассем отлично знает, что на карте стоит и вопрос о его жизни или смерти. Гражданская война в Ираке не будет похожа на гражданские войны прошлого. Не конь и не тачанка решают ее исход. В воздухе гудят моторы и свистит низвергаемые на население бомбы.

Нужно ли говорить о значении Ирака? Одно имя "Мосул" не напоминает ли о слове "нефть"? Может ли арабский мир допустить, чтобы в его сердце укрепились змея коммунизма? Могут ли другие силы, до сих пор занимающие позицию наблюдателей ждать, что важнейший стратегический пункт Ближнего Востока окажется в руках международного коммунизма, чтобы не сказать проще — в руках Москвы? Красный Ирак заключил с красной Московской договор о технико-экономическом сотрудничестве, читай: на поставку оружия и коммунистических инструкторов. На границе между Ираком и Сирией крайнее напряжение.

Все это происходит в дни, когда на волоске висит вопрос о Берлине, когда должен решиться вопрос о том — кому будет принадлежать сердце Европы, а с ним и вся Европа.

"Три Б"! Такова была проблема, с которой связывается начало Первой Мировой войны. Речь шла о железной дороге "Берлин-Белград-Багдад". Сегодня ось "Берлин-Багдад" снова всплывает перед нашим вниманием и заставляет с особенным напряжением всматриваться в туман, кажется, уже недалекого будущего. Что то будет?..

Наблюдатель

Исполнительным Бюро Общероссийского Коммунистического Фронта издана брошюра, составленная Б.Л.Бразодем
**ЦАРСТВОВАНИЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
(1894 - 1917)
В ЦИФРАХ И ФАКТАХ**
(Ответ клеветникам, расчленителям и руссофобам)

ВЫШЕЛИЗПЕЧАТИ
и поступил в продажу труд Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени ген. проф. Н.Н.Головина. —
РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ
Цена — в Аргентине — 30 песо
В остальных странах — 0.75 ам. дол.
Заказы адресовать в редакцию "Нашей Страны".

Денежные переводы по почте и банковские чеки просим адресовать на имя Vsevolod Dubrowsky, а не только на "Nuestro Pais", без упоминания имени ее редактора-издателя.

Цена отдельного номера в Аргентине, с доставкой по ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ — 5.50 песо.

Первая брошюра, изданная на средства Литературного Фонда Народной Монархии

Н. Поточки

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

вышла из печати и направляется по назначению.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

Прием у редактора только по предварительному соглашению по телефону.

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:**

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. B
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 & 14th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto & Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 24 Athens.

Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdam-sche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str. Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond St. South Wentworthville, N.S.W.

ЦЕНА НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ — \$ 4.50

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за 3 месяца вперед.